

Звёзды так и не взорвались, а утреннее солнце взошло как обычно.

Из-под одеяла виднелась полоска гладкой, точно белый нефрит, спины. Шэнь Цзуннянь в третий раз выключил будильник, пригладил растрёпанные волосы Тань Юмина и тихо сказал:

— Пора вставать.

Тань Юмин перевернулся на другой бок, не обращая на него внимания. Шэнь Цзуннянь немного подождал, ущипнул его за шею и повторил:

— Правда, пора вставать.

Тань Юмин, будучи не в духе, раздражённо пнул одеяло, попав по руке Шэнь Цзунняня. Тот даже не почувствовал боли, лишь погладил его по плечу.

Тань Юмин кое-как сел. Шэнь Цзуннянь наклонился, достал хлопковые тапочки и, опустившись на одно колено, взял его за стопу, чтобы надеть носок.

Тань Юмин даже глаз толком не открыл. Он упёрся ногой в плечо Шэнь Цзунняня, не давая тому приблизиться. Нажал несильно, но у Шэнь Цзунняня участилось сердцебиение, а в горле пересохло.

— Ты больной, Шэнь Цзуннянь? — голос Тань Юмина осип, хотя он и пытался ворчать. — Или ты оглох?

В гневе он перестал стесняться в выражениях:

— Я же просил тебя остановиться... а ты всё равно...

Шэнь Цзуннянь в постели превращался в другого человека: ни слова в ответ, словно он ослеп, оглох и онемел, только и делал, что нападал и захватывал.

— Ты ведь нарочно, да? — продолжал возмущаться Тань Юмин. — Хотел довести меня до обморока, чтобы я плакал и умолял тебя? Какой же ты гад, ещё и...

Шэнь Цзуннянь пропускал ругательства мимо ушей. Он осторожно коснулся его живота:

— Плохо себя чувствуешь?

Вовсе не плохо, а очень даже хорошо. Тань Юмин наступил ему на ладонь и упрямо буркнул:

— Умираю как больно.

Шэнь Цзуннянь нахмурился и потянулся к его халату, чтобы проверить, но Тань Юмин шлёпнул его по руке. Лицо Шэнь Цзунняня стало серьёзным:

— Будь послушным, дай посмотрю.

— Обманул я тебя, мне было кайфово.

— ... — Шэнь Цзуннянь ощутимо ущипнул его за икру. Тань Юмин, разленившись, повалился на него и снова изобразил коалу: — Неси меня.

Шэнь Цзуннянь подхватил его одной рукой и, захватив тапочки, отнёс в ванную. Тань Юмин взял зубную щётку с уже нанесённой пастой и притянул собиравшегося уходить Шэнь Цзунняня обратно:

— Куда пошёл? Стой здесь.

Шэнь Цзуннянь замер, превратившись в надёжную опору, на которую Тань Юмин лениво навалился спиной. Одной рукой Шэнь обнимал его за талию, а другой отвечал на утренние рабочие сообщения.

Зажужжала электрическая щётка. Умывшись, Тань Юмин окончательно пришёл в себя и немного обнимал Шэнь Цзунняня. Тот отложил телефон и коснулся его лица. За последнее время Тань немного отъел щёки, и сейчас они были нежно-розовыми, как мякоть личи. Шэнь Цзуннянь ещё раз уточнил:

— Точно всё в порядке?

Тань Юмин вскинул голову:

— Не знаю. Если поцелуешь, может, станет лучше.

Шэнь Цзуннянь опустил взгляд, в его глазах промелькнула едва заметная тёплая искорка. Он просто смотрел на него.

— Не поцелуешь — сам поцелую, — заявил Тань Юмин.

Шэнь Цзуннянь перехватил его за подбородок и слегка прикусил его щёку.

— Чёрт, ты специально! — Тань Юмин сразу забеспокоился, не останется ли следа.

Поскольку ночью они сильно засиделись, за завтраком Шэнь Цзуннянь сам выловил весь лук из вонтон-лапши. Он приготовил две порции лимонного чая: со льдом, но без лишнего сахара. Один стакан Тань Юмин выпил сразу, второй взял с собой.

Гуань Кэчжи, поедая десерт «лебедь», спросила сына:

— Ты теперь на седьмом небе от счастья?

Тань Юмин буквально сиял от того, как за ним ухаживали. А вот Шэнь Цзуннянь всё ещё беспокоился. Когда машина подъехала к «Пинхай», он, подумав, сказал:

— Знаешь, я сегодня останусь с тобой...

— Нет! — поспешно отказался Тань Юмин. У него на сегодня были свои планы, и присутствие Шэнь Цзунняня в них не входило. — Со мной всё отлично, иди работай.

Он уже неплохо восстановился и мог обходиться тем, что изредка поглядывал на «пиксельного человечка» в приложении.

— Точно? — Шэнь Цзуннянь нахмурился и заботливо поправил на нём шарф.

— Конечно. Иди давай.

Шэнь Цзуннянь пристально посмотрел на него:

— Если почувствуешь дискомфорт, сразу звони.

Тань Юмин прыгнул с машины и помахал ему рукой. Хотя ночью Шэнь Цзуннянь нападал яростно, он во всём заботился о партнёре. Тань Юмин чувствовал себя бодро даже во время утреннего совещания.

— Первый вариант чертежей фундамента и купола готов. Детали будут уточнены до следующего вторника. Несколько информационных агентств уже начали создавать ажиотаж.

— Метеослужба и обсерватория в восторге от того, что мы выкупили право на T70. Это будет первый в Азии телескоп со сверхчувствительной оптикой. Руководство придаёт этому большое значение и надеется на совместную церемонию открытия с «Пинхай».

Это была большая честь и официальное признание, но Тань Юмин отказался:

— Нет, на церемонии открытия я уже выбрал человека, который сорвёт покров.

Днём Тань Юмин сбежал с работы на пару часов. Он снова сел в свою розовую «Феррари» и промчался через Центральный район, остановившись у элитного цветочного магазина. Это заведение на паях открыли Сюй Эньи и одна кинозвезда. Почти все золотые мальчики города заказывали здесь цветы для своих моделей и актрис.

Тань Юмину не понравились варианты, предложенные флористом. Ему казалось, что всё это не подходит Шэнь Цзунняню. Он решил выбирать сам. Управляющий магазином, друг Сюй Эньи, лично вышел его встретить.

— Молодой господин Тань, — он предложил ему сигарету. — Давно не виделись.

С прошлого года Тань Юмин исчез из светских хроник, но теперь, похоже, решил триумфально вернуться. Тань взял сигарету, но не зажёг. Он огляделся:

— Есть у тебя что-нибудь... поживее?

Шэнь Цзуннянь был слишком холодным, точно горсть снега на вершине. Тань Юмин хотел вернуть его в мир людей. Управляющий хмыкнул, ведя его вглубь магазина:

— Новая цель?

Тань Юмин ответил прямо:

— Какая ещё новая цель? Старых нет. Это для Шэнь Цзунняня.

— Что?!

Тань Юмин усмехнулся, прислонившись к дверному косяку и крутя ключи от «Феррари»:

— Так сильно удивлён?

Управляющий пришёл в себя и пробормотал:

— Ну... хотя, наверное, нет. Посмотри здесь, может, что понравится.

Тань Юмин внимательно осматривал ряд за рядом. Управляющий видел много богатых бездельников, сорящих деньгами ради мимолётных интрижек. Но Тань Юмин был сосредоточен совсем иначе — он хотел выбрать лучший букет, чтобы принести его домой любимому человеку.

— Вот эти. Пусть флорист соберёт их покрасивее.

Глядя на огромную охапку оранжевых эквадорских роз, управляющий пообещал:

— Не сомневайся, сделаем в лучшем виде.

Флорист работал быстро. Когда букет был готов, солнце ещё не зашло. Небо окрасилось в золото. Папарацци, преследовавшие «Феррари», увидели, как Тань Юмин выходит из магазина с ослепительно ярким букетом.

В лучах заката его лицо казалось ярче самих цветов. Он закурил незажжённую сигарету, слегка хмурясь и поправляя упаковку. Морской бриз шевелил полы его длинного пальто. В его облике сочетались манеры столичного франта и какая-то упрямая серьёзность.

Вспышки «Хуаду Ньюс» были слишком заметны. Тань Юмин мельком заметил двух фотографов, которые тащились за ним всю дорогу. Настроение у него было отличное, поэтому он не злился. Он вдруг вспомнил, как Чжао Шэнгэ вечно щеголял на снимках с охапками пионов и гортензий. Если у других есть, то и у Шэнь Цзунняня должно быть.

Тань Юмин вынул сигарету изо рта, приподнял букет и дерзко улыбнулся прямо в камеру, словно кинозвезда. Он объявил на весь мир:

— Это для Шэнь Цзунняня!

Он бросил этот «снаряд», не заботясь о застывших в шоке папарацци, и лихо умчался прочь. Когда этот кадр, достойный постера, попал в газеты, сердца всех, кто мечтал о Тань Юмине, разлетелись на осколки. Именно с этого дня в журнале «Хуаду Ньюс» появились две конкурирующие рубрики: одна следила за Чжао Шэнгэ, другая — за Тань Юмином.

Сегодня одна писала: «Наследный принц замечен в Тайпинване, не разлей вода с технологическим гением», а завтра другая отвечала: «Яркая бабочка влюблена в ледяной айсберг, близнецы Сянгана замечены за поцелуями в машине». Поскольку никаких запретов не последовало, заголовки становились всё более кричащими, к восторгу горожан.

Шэнь Цзуннянь закончил совещание и вёл группу менеджеров из здания отдела маркетинга к административному корпусу. Розовая «Феррари» влетела на территорию и, эффектно заложив вираж, замерла прямо перед ним.

Тань Юмин вышел из машины с цветами в руках. Он шёл уверенной походкой, улыбаясь во весь рот:

— Закончили работу?

Чжун Маньцин, ставшая директором по инвестициям, рассмеялась:

— Только что. Господин Тань, пришли забрать господина Шэня домой?

Тань Юмин взглянул на Шэнь Цзунняня и весело ответил:

— Верно. Рабочее время вышло, теперь ваш господин Шэнь принадлежит мне.

— ... — Шэнь Цзуннянь впервые в жизни был вынужден на глазах у всех сесть в машину с огромным букетом в руках.

Оказавшись в салоне, Шэнь Цзуннянь притянул Тань Юмина к себе, внимательно осмотрел его лицо и тихо спросил:

— Сегодня ничего не беспокоило?

Тань Юмин немного полюбовался его серьёзным видом, а потом подмигнул:

— Совсем ничего.

Только тогда Шэнь Цзуннянь отпустил его, ворча:

— Ты снова сбежал с работы.

— Что значит «сбежал»? — Тань Юмин нажал на газ. — Может, я просто работаю эффективнее всех? К тому же у меня было важное дело.

— А, значит, ушёл пораньше.

Тань Юмин обернулся, чтобы возмутиться, но встретил его тёплый, со скрытой улыбкой взгляд. Гнев тут же испарился. Он крутанул руль:

— Поедем в одно место.

Шэнь Цзуннянь не спрашивал куда. Он положил локоть на край окна и задумчиво гладил лепестки оранжевых роз:

— Поехали.

«Феррари» пролетела через мост над заливом. Закат залил всё расплавленным золотом. Машина остановилась у подножия горы Сяотань.

Тань Юмин глубоко вздохнул и достал из бардачка папку с проектом обсерватории. Он держал её так торжественно, будто это было кольцо для помолвки.

— Это твой настоящий подарок на день рождения, — произнёс он серьёзно и искренне, без тени привычного легкомыслия. — Я не забыл те слова, что ты сказал в шестнадцать лет. Пусть и с опозданием, но я надеюсь, тебе понравится.

— В обсерватории, помимо Т70, будет установлен солнечный хронометр. Это гибрид экваториальных и полярных солнечных часов, я... сам его доработал. — Помимо двенадцати страж, он показывал фазы луны и продолжительность светового дня. — Его годовой цикл начинается не с приходом весны, а в день зимнего солнцестояния.

Для всего мира год начинается весной, но в системе координат Тань Юмина смысл жизни начинался в день рождения Шэнь Цзунняня.

— Чип в часах будет записывать движение звёзд и фазы луны за весь год. Ты сможешь смотреть это через приложение в любое время. А ещё чип будет собирать и сохранять солнечный свет каждого дня зимнего солнцестояния, чтобы потом транслировать этот сигнал в космос.

— Я... тогда не знал, когда ты вернёшься. Хотел, чтобы этот сигнал о том, что кто-то ждёт тебя и любит, долетел до края вселенной.

— Конечно, по сравнению с теми часами, что ты сделал в Инхуа, мои — полная ерунда.

Тань Юмин улыбнулся:

— Ты всегда ругал меня за то, что я не могу усидеть на месте и быстро остываю. Я согласен. Но я всё равно хотел довести это дело до конца, сколько бы времени это ни заняло.

— Я хочу, чтобы у тебя всегда было место, где ты сможешь заниматься любимым делом. Даже если ты будешь завален работой, я хочу, чтобы ты мог в любой момент отдохнуть и принять сигналы из космоса. Чтобы ты мог открывать новые созвездия и исследовать огромную вселенную.

— Шэнь Цзуннянь, эта обсерватория всегда будет принадлежать тебе. Как и я сам.

Шэнь Цзуннянь был глубоко потрясён. Он поднял голову и молча посмотрел на Тань Юмина. За окном снова полыхал редкий фиолетовый закат с облаками цвета шелковицы над золотым морем — совсем как в тот год в Инхуа, но теперь всё было иначе.

Тань Юмин нервно вглядывался в его тёмные глаза. Наконец Шэнь Цзуннянь притянул его к себе, прижал его голову к своему плечу и прошептал на ухо:

— Тань Юмин, спасибо. Мне очень нравится. Но...

— Мне больше не нужна обсерватория.

-КОНЕЦ-

<http://bllate.org/book/17117/1621316>